

ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ

ИНСТИТУТ СНОВИДЕНИЙ

Петр Маркович Алешковский

Институт сновидений

Серия «Самое время!»»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171102
Институт сновидений: Время; Москва; 2008
ISBN 978-5-9691-0392-4

Аннотация

Сюжеты Алешковского – сюжеты-оборотни, вечные истории человечества, пересказанные на языке современности. При желании можно разыскать все литературные и мифологические источники – и лежащие на поверхности, и хитро спрятанные автором. Но сталкиваясь с непридуманными случаями из самой жизни, с реальными историческими фактами, старые повествовательные схемы преобразуются и оживают. Внешне это собрание занимательных историй, современных сказок, которые так любит сегодняшний читатель. Но при этом достаточно быстро в книге обнаруживается тот «второй план», во имя которого все и задумано...

(О. Лебедушкина)

Содержание

Институт сновидений	4
Перемена сознания	4
Горизонталь с вертикалью	8
53:76	12
Огурец и «змейка»	16
Святой обезьян	20
Крылья	24
Кот и Котяк	28
Как солдат от армии спасся	32
Сапоги и балетки	36
Веянье времени	40
Заклятое место	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Петр Алешковский Институт сновидений

Институт сновидений Старгород двадцать лет спустя

*Старгород – город нарочито не великий.
Стоит на Озере. Имеет химический завод, ГПЗ-4,
кирпичный завод, завод сельскохозяйственного
оборудования, мебельный комбинат, Кремль и
множество старинных церквей и монастырей.
Реставрация ведется...*

Из путеводителя

*Грустно! Мне заранее грустно! Но обратимся к
рассказу.*

Н. В. Гоголь. Старосветские помещики

Перемена сознания

Недавно закончился Великий пост. Столичные социологи из Левада-центра уверяли, что в этом году 79% россиян не собирались поститься. Двое «крутых» запустили на крестный ход фейерверки. Их тут же зашикали. Не забуду стыдливый взгляд пацанов, они хотели как лучше. Церковь теперь

постоянно разъясняет: главное в пост – покаяние и молитва. Слово «покаяние» родилось как толкование греческого термина «metanoia», что означает перемену сознания, или даже выход за рамки разума, ума. То есть имеется в виду особая духовная операция, переводящая сознание верующего с одного бытийного плана на другой. Но вот вычитал в «Старгородском глашатае»: «Покаяние – отличительная черта нашего национального характера». Читать дальше расхотелось. Подумал, и вспомнил такую историю.

В конце 80-х мне случилось подрабатывать в бригаде реставраторов в Покровском соборе у староверов в Рогожском конце Старгорода. Им запрещали строить церкви, похожие на православные храмы. С улицы знаменитое строение архитектора Казакова – большая коробка, увенчанная куполами. Внутри – не отличимое, скажем, от Новгородской Софии. Улетающие вверх стены. Грозные иконы древнего письма. Монументальная живопись им под стать. Полумрак, восковые свечи в массивных серебряных подсвечниках. Запах ладана мешается с непривычно восточным, древним распевом. Музыка, странная для уха, воспитанного на барочном многоголосии. Старуха за входной дверью ревниво оберегала этот мир от чужаков.

Каждое утро мы поднимались на леса, мыли стены специальным раствором-«мыловаром», и все три недели привратница Мария Лукинична смотрела на нас с нескрываемым отвращением. Курить в ограде собора запрещалось. Мы от-

носили ведра с «мыловаром» в хозяйственную пристройку, ставили их на газ и уходили в сквер. Покурив, шли назад. Почти всегда газ под ведрами оказывался выключенным. Старуха приходила кипятить свой чайник, и пакостила нам сознательно – свободных конфорок было хоть отбавляй. Пойманная за руку, в переговоры не вступала. Рот вытягивался в презрительную ниточку, глаза утыкались в пол. Лукинична держала бойкот, как будто дала обет. Сверху, с лесов, мы видели: все свободное время она чистила храмовое серебро, терла доски пола или молилась, отбивая несчетные поклоны. Однажды мы засекли, как старая гневно отчитывала пьяницу-чтеца: «Что ж все жрешь и жрешь, заглоти́т тебя Зеленый змий!» Мужичок, понури́вшись, только успевал вставлять: «Каюсь, матушка». «Каюсь, батюшка», – в унисон гремела Лукинична и тут же начинала опять, с самой свирепой ноты.

Тут случился большой праздник. Приехал сам митрополит из Москвы. Перед этим, понятно, бабки дня два драили храм так, что не снилось и генералам, готовящим плац и казармы к маршальской инспекции. Действо затянулось – скоро молиться старообрядцы не умеют. Часть ребят осталась на лесах, мы с приятелем, выработав дневную норму, спустились с небес на землю, на цыпочках обошли молящихся и вышли на воздух. Неподалеку оказалась шашлычная, где мы съели люля-кебаб с жареной картошкой, запив его портвейном «777», подававшимся в «бомбах» по 0,8. Выпили, добавили, взяли еще с собой, и зачем-то решили вернуться.

Забрались под купол, где, поскользнувшись на мокрой доске, я задел ведро с грязной водой. Как оно летело, помню до сих пор. Ударилось донцем и взорвалось, обдав собравшихся. Но не дрогнули митрополит и священство, только утерлись рукавами риз. Ни один из стоящих на службе не прервал действо, словно и не было взрыва вовсе. Потом мы поспали немного на лесах и ретировались домой.

Утром следующего дня я шел на работу, мне было стыдно и страшно. Я молил, чтобы старуха-привратница заболела, исчезла. Не тут-то было! Два огненных глаза впились в меня, живые и страшные, как глаза пророка с иконы. Ноги подогнулись сами собой, я бухнулся на колени и громко сказал: «Лукинична, прости уроды, напился вчера. Это я ведро уронил».

Не раздумывая, она рухнула на пол – так падает на чурку колун – с размаху впечаталась лбом в пол. Эхо разлетелось по собору. Не в силах остановиться, она била и била лбом в отмытые доски пола и, рыдая, выговаривала: «Прости меня, родной, я ведь тебя за изверга почитала, прости!» Я дрожал, встать с колен не было сил. Она меня подняла, усадила на стул. Оценила мое состояние, посоветовала: «Иди домой, выпей сто грамм, заспи». Я помотал головой и полез на леса.

Газ под «мыловаром» больше никогда не выключался. Лукинична теперь поила нас на кухне чаем, мягко журила за никонианство. С тех пор я не пью портвейн, даже самый дорогой, коллекционный.

Горизонталь с вертикалью

Недавно мы со Степой Морозовым, директором леспромхоза-2, были вызваны на чай к отставному вице-мэру нашего Старгорода Сергею Павловичу Мелкому. Маленького роста, с пристальным и вечно голодным, как у птицы, взглядом, он был гроза города в период становления демократии. Про него шептались, что он чуть ли не колдун. Пересидев двух губернаторов и трех мэров, этот 65-летний мужчина обрел, наконец, счастье: вышел на пенсию, готовит к выставке курцхаара Риду, активно участвует в общественной жизни города. Мелкой страстный фотограф, его фотоальбом «Дикие цветы средней полосы» напечатан в столице. Сейчас, с приходом весны, он ждет первоцветов. «Снятся, – говорит, – мне цветы на снегу». Мы познакомились три года назад из-за старого английского ружья. Я тогда определил: раритет, дореволюционный Вильям Гринер, слон на эмблеме, кнопка предохранителя на левой стороне ложи.

Пока пили чай, по телевизору показали арест бывшего мэра Владивостока. Мелкой сюжет прокомментировал, достал из шкафа том, зачитал нам указ Петра Великого. В 1719 году, марта 24 дня выдано было: «Смоленскому вице-губернатору с товарищи прислать надлежащие ведомости о приходех и расходех. А если в мае месяце сего не исполните, то всех вас, как вице-губернатора и протчих подчиненных, ско-

вать за ноги, и на шею положить чепь, и держать в Приказе, покуда вышеописанного не исполните».

– Вот как раньше вертикаль укрепляли, а тут на самолете доставили, не на цепи же, как медведя – прогресс налицо! – Мелкой улыбнулся. – Миллион рублей владивостокскому предъявили, разве это деньги? И еще наматывают, потому как главное, конечно, о вертикали помнить, а горизонталь держать, мы это еще в девяностых поняли.

Тут Степа и спросил, чем же одна от другой отличается. Мелкой кинул глаз на Степу, оценил его кольцо с камнем, как сфотографировал, и начал:

– Все просто. Был у меня в подчинении парень, из бывших военных. Приезжаю раз на работу, смотрю, стоит у мэрии малиновый «Хаммер», первой еще модели. У нас, таких отродясь не бывало. Только до кабинета дошел, уже мэр – Весло Василь Петрович звонит: «Чей это красивый?» – «Уже, – говорю, – бегу быстрее ветра!» Выяснил – моего же зама. Вызвал: «Как так?» – «Сергей Павлович, не устоял, люди одарили». – «Смотри, – говорю, – у Василь Петровича такого нет». Стал мэр на малиновом «Хаммере» рассекать, но не помогло, живет теперь в Аргентине. Парнишка мой давно вознесся в столице, коньяк шлет в благодарность, что жизни учил. Другой зам, Хохлов, зазнался – теперь колхозом руководит и пьет самогон. Горизонталь, значит, мы выправили, а, что Весло вертикаль не отстроил – не я ему судья.

Мы какое-то время посидели еще, попили чай с вареньем.

Степа, я заметил, сильно нервничал. Наконец откланялись.

За воротами Степа выдохнул:

– Пронесло, кажись, ружье английское, что ты ему определял, ведь он у меня забрал.

– Не жалеешь?

– Чего жалеть, он тогда делянок выписал – мы год пилили.

Степа уехал на выдавшем виды джипе с вездеходными колесами, ему такой по лесам мотаться просто необходим. Я стоял около ограды, смотрел на усадьбу Мелкого, одну из первых в поселке на озере, что в народе зовется «Графские развалины». Длинный дом в тени тополей, с неприметным вторым этажом, с большим подвалом: баня, гараж, кладовая, он разительно отличается от теперешних замков с башнями. Скромно растянутый по горизонтали, внутри он просторный и удобный. Высокая штанга антенны с громоотводом рвется в небо, на ней развивается триколор.

И тут из раскрытой форточкой на втором этаже вылетела сорока – раз, и скрылась в перелеске. Вскоре птица вернулась, приземлилась на форточку, в лапке она держала блестящий предмет. Я узнал Степино кольцо с бриллиантом. Птица как будто любовалась добычей, затем медленно повернула в мою сторону этокое сморщенное подобье лица: на меня глядел сам Сергей Павлович. Разум мой помутился, а когда я очнулся, сорока уже влетела в комнату.

Чудеса в Старгороде случаются. Актриса Катя Холодцова, например, от неразделенной любви утопилась в канале

и превратилась в русалку – после многие видели ее купающуюся при лунном свете, и я склонен людям верить. Теперь мне стали понятны страхи бизнесменов, связанные с Мелким. Явился он неизвестно откуда, и за год подмял под себя весь город.

Я вздохнул, перекрестился, и пошел к себе в краеведческий музей, готовить выставку «Ё-моё» по случаю «Года русского языка». Из-за нее и вызывал нас Мелкой – решил выставить на ней фотосессию: «Грозы родного края». Мне он поручил каталог и развеску, Степа отвечал за багет.

Недавно мне попало в Интернете сенсационное сообщение: в Корее вывели карпов с человеческим лицом. На картинке сфотографированы две рыбины с вытянутыми мордами, отдаленно напоминающими человеческую физиономию. Обычный гибрид, ничего особенного. Приехал бы кто к нам в Старгород, попробовал бы изловить человека-сома, но не едут, мелковаты наши новости для мировой паутины.

Родному телевидению до настоящих чудес дела нет, эфир полон страшилок про воров и милиционеров. В Ставропольском крае капитан расстрелял невинную семью, жена теперь катается в кресле на колесиках, а мужа осудили на три года за «нападение на представителя органов», но прямо из зала суда освободили по амнистии. Милиционер теперь подполковник. Помощи простым людям ждать неоткуда. В Старгороде любой пацан это знает, а потому восхищаются нашим Сашкой Пугачевым – народным мстителем. Постоянно пишут на стене РОВД краской из баллончика: «Привет от Пугача! 53:76». Рядовые поутру забелят, но надпись словно проступает из стены, как от воздействия новомодного коллагена, что, согласно рекламе, «выталкивает морщины изнутри». Про Сашку сперва тоже много трубили в газетах, только всю правду рассказать побоялись. А было так.

Сашка, коренной старгородец, после Афгана потерявший

страх, но не совесть, хорошо поднялся: две лесопилки, восемь магазинчиков по городу, рынок стройматериалов и трактир «Любава» на трассе за выездом, с пожарскими котлетами, заливной рыбой из нашей реки и девчонками в номерах. А еще – бесплатный спортзал, компьютеры в двух школах и городская футбольная команда на полном его содержании. Частым гостем у Сашки в «Любаве» бывал начальник милиции города полковник Эрих Романович Муштабель. Он его и крышевал, и, войдя во вкус, все увеличивал долю. Жили они мирно, но сгубила Сашку любовь к рыбной ловле. Муштабель тоже был рыбак записной. Заспорили однажды, кто больше сома поймает. Разъехались по реке – один вверх к Пимшиной яме, другой вниз – к Паромной. Эрих зацепил сома на 53 килограмма, а Сашка выволок аж на 76. Муштабель обиделся и объявил Пугачеву войну. Придрался и закрыл Сашкины магазины, отобрал лесопилки, приехал с проверкой в «Любаву» и прилюдно грозился этот вертеп спалить. Ну, Пугач и решился, назначил Муштабелю ночную стрелку прямо в отделении, пришел туда один с двумя АКМами, и от входа начал поливать с бедра. Положил троих безвинных, четверых ранил, но в кабинете начальника не нашел, тот сторожил его в засаде на улице. Началась погоня.

Подлетели к реке. Пугач успел крикнуть: «К воде не подходи, сомом к тебе вернусь», нырнул с кочки в стремнину. Милиция воду осветила, по новоявленному Чапаю открыли

шквальный огонь. Тот плыл, потом нырнул. Больше его не видели. Тела не нашли, хотя сильно искали.

Муштабель заклатью значения не придал. Расхлебал ЧП, подмял под себя «Любаву», но она скоро сгорела, причем ни одна девчонка не пострадала, как будто их предупредили. Молва про заветные пугачевские слова поползла по городу. Муштабелю написали на джипе «53:76, знай наших!», и переклинило мужика. Да еще рыбаки рассказали, что в реке появился сом, килограммов под двести, рвет сети, лишает улова, и взять его никак нельзя. Рыбаки эти тоже Муштабелю платили. Заболел полковник идеей того сома изловить, авторитет-то его в городе стремительно приближался к нулю. Что у него ночью на реке произошло, неизвестно, только говорят, прибежал Эрих Романович домой весь в сомовьей слизи, два пальца на правой руке откушены под корень, в глазах полыхает безумие. Речь утратил, только мыком изъясняется – тычет рукой в сторону реки и тянет протяжно, что перепуганный бычок: «У-ууу-угууу!». В больнице определили инсульт, подлатали бойца, но службе, понятно, настал конец. У полковника приключилась водобоязнь: только завидит реку – истерика, как у маленького. Сняв форму, превратился он в старого и больного пенса, добрые люди на улице в глаза стыдят, поминают Пугачева. Жена недолго терпела, собрала манатки, и укатали они в ее родную Калмыкию, там с водой туго. Рыбаки заказали крестный ход, отмолили у чудо-рыбы исконное право на ловлю. Один старик им еще посоветовал:

как поймают сома или соменка, обязательно отпускать, так что теперь котлет из сома вы в Старгороде не отведаете, зато щучьих или судачьих хоть отбавляй.

Десять лет прошло, а пацаны на дискотеке все кричат: «Пятьдесят три!» Им бойко отвечают: «Семьдесят шесть!»

Какая тут Корея и карпы с человеческим лицом, а ведь если подумать, то господи, боже ж ты мой.

Огурец и «змейка»

На старгородчине в незапамятные времена жил народ комси. Работали они вполсилы, упивались брагой, а после неделями отмокали в банях, называя их на свой лад «саунами». Пришедшие в эти края трудолюбивые славяне легко подмяли их под себя. Комси не сопротивлялись и, по преданию, незаметно ушли под землю.

Старгородцы, живущие теперь в области, исконные русаки и в баню ходят только по субботам. Потеряв с развалом колхозов работу, они пьют дешевый «левак» и клянутся, что если б спирт превратился в камень, они грызли б его, иного лекарства от скуки тут не придумали. От «левого» спирта в стране ежегодно умирает сорок тысяч человек. Страшную цифру озвучил как-то сам ВВП, предложив государству взять в свои руки выпуск качественного алкоголя, но включились думские тормоза, и проект, слава богу, замотали. Водку по 2-87 помним и назад не хотим!

Прикончив весь иноземный спирт «Рояль», в деревнях перешли на отечественную «змейку» – напиток, отсвечивающий жирной зеленью. Меня уверяли: если долго глядеть в стакан, увидишь, как там нарождается злющая желтопуза и крутит по поверхности, подобно сосновой щепке со смолой, которую дети запускают весной в лужи. «Змейку» пили не вглядываясь – кому отшибало мозги, кого сразу везли на по-

гост. Но движитель истории – случай. Потреблять эту заразу перестали благодаря чудесному стечению обстоятельств.

Коля Огурцов по кличке Огурец утром выпил стакан и два добавил в обед, прямо в поле. Пахать расхотелось, в доме осталась трехлитровая банка со «змейкой». Огурец рванул руль «Беларуси» и выкатил на шоссе. Тут в него и впечаталась новенькая «Ауди А8», что гнали три брата на своего командира Антону Бесу – главному бутлегеру края. Бросив трактор, Огурец бежал куда ноги несли. Принесли они его на Лысую гору в десяти километрах от села. Сел он на пенек и задумался. За дорогую иномарку старгородская братва обязательно посадит его на цепь, как барбоса. Огурец испугался и горько заплакал. Тут явилась ему сопливая старуха в лаптях и попросила: «Поцелуй меня». Огурец еще в детях слышал про колдунью-комси, что, встретив путника, испрашивает поцелуй. Кто не отваживался – пропадали. Не думая, он чмокнул ее в щеку. «Ты же, Огурец, настоящий комси, чего испугался?» – рассмеялась карга. Он и рассказал ей о своем горе. Колдунья дала ему склянку с зельем, наказала дома выпить и ложиться спокойно. Огурец поблагодарил, побежал к себе. Бандиты тем временем отогнали «Ауди» в ремонт и рванули назад – тянуть из тракториста жилы.

Дома Огурец прямо в банке смешал содержимое склянки со «змейкой». Отпил глоток. Тело вдруг стало круглиться и покрылось пупырышками. Плохо соображая, он вышел в сени и свалился на дно кадушки с рассолом, превратившись

в семенной огурец.

Подоспела братва. Расположились за столом. Час сидят, два, не идет хозяин. Захотелось им вина. Нашли огурцову банку. Один сбегал в сени, принес ковшик рассола и большой огурец. Разлили, выпили, тот, кто бегал, огурец надкусил. Зелье сработало мгновенно, двое сыграли в ящик, третий превратился в обезьяну-шимпанзе. Рассол ли яд вытянул, или действие напитка кончилось, проснулся Огурец на столе: ухо наполовину откушено, но живой. Рядом скулит обезьяна-шимпанзе и лежат два жмура.

Приехала милиция. Провели экспертизу, в «змейке» обнаружили цианиды. Дело запахло тюрьмой, все знали, что напиток поставляет Бес. Начальник милиции Болт Иван Панкратович, что этот бизнес крышевал, решил так: взял себе «Ауди», а Бесу запретил торговать «змейкой». Тот перешел на «Монолит», «Мозаику» и «Максимку» – «прозрачные бесцветные жидкости-стеклоочистители на основе этилового спирта без механических примесей». Заказать их легко – наберите в Интернете «Спирт – оптом», вам хоть домой привезут.

Колдунья с той поры никому не являлась. Огурец ставит брагу и пьет только ее, работу забросил. Проповедует на селе, что скоро в каждом проснется комси, ибо пришла пора их аурам освободиться от подземного заточения. Над ним смеются. Тогда Огурец идет домой, ложится в кадушку и мокнет там неделями, активизирует чакры. Мужики теперь по-

требляют «Максимку», от нее на два дня отнимается язык, но о чем говорить, если все и так понятно? Шимпанзе живет у Беса в гараже, воеет ночами на луну. У начальника милиции новая головная боль – Дума повышает вдвое штрафы на дорогах. А что хорошо москвичу, старгородцу – беда. Один экипаж гаишников за день привозит наверх сто долларов, теперь должен будет везти двести. Вопрос: станут ли давать, и не вызовет ли это в народе волнений?

Святой обезьян

Настоящему чуду требуется, конечно, время, чтобы его признали. Бандит Фома, что закланием колдуньи-комси превратился в обезьяну-шимпанзе, жил в гараже своего бывшего командира Антона Беса. Тот нарядил шимпанзе в сапоги, штаны, ватник, ушанку и черные очки в белой оправе, Фомка стал выглядеть, как свихнувшийся клоун. Бес посмеялся над несчастной тварью и скоро о ней забыл. Фомка удрал в город, прибился к кладбищенской церкви святого Христофора. Просил подавание при дверях, понемногу стал заходить внутрь. Староста донесла настоятелю отцу Артемону, что Фомка, кажется, обезьян. Тот попытался раз с ним заговорить. Фомка бухнулся на колени, лапами обхватил голову и замер в покаянной позе. Подслеповатый отец Артемон такое рвение оценил: «Немтырь, дурак, но не без Христа в душе, отстаньте от него. Святой Христофор тоже лицом был зверообразен, недаром его изображают с песьей головой». Слово батюшки – закон, Фомка стал мести церковный двор, ему даже выделили место в теплой подсобке, где он спал не раздеваясь, как настоящий юродивый. Бабки стали поговаривать, что Фомка – немой индус, а скрючило его от заморской болезни.

Храмовой иконой в церкви был, понятно, образ святого Христофора старинного письма, – в те времена воина изоб-

ражали с песьей головой и большим мечом. Таких образов на Руси сохранились считанные единицы, позднее вышел указ переписать песьи головы на человечьи. Отец Артемон иконой дорожил и пятьдесят семь лет своего служения смиренно ждал от нее чудес.

Кладбищенская церковь – место доходное, настоятелю прислали на подмогу второго священника – отца Павлина Придворова. Начитавшись базарных книг, он горел идеей канонизировать царя Ивана Грозного и проповедовал, что Русь святая возродится только под крепкой рукой, о чем имел смелость писать митрополиту. В ответ получил совет не умничать шибко. Отец Павлин жаждал дела. Кто-то рассказал ему местное придание: Грозный угостил в кладбищенской церкви сироту Ивашку яблочком. Мальчишка яблочко съел, засветился весь, аки ангел, и преставился. Иметь в церкви местночтимого святого казалось отцу Павлину полезным. Он бросил клич, активисты из «Молодой гвардии» перекопали холм вокруг церкви, но мощей не обрели. В результате пришлось платить штраф в комитет по охране культуры за самовольные раскопки. Отец Артемон штраф заплатил и настрого запретил Придворову смущать прихожан историями про лжечудеса. Отец Павлин затаил злобу на настоятеля.

Меж тем Фомка как-то забрел к бывшему шефу, и подслушал разговор: из Питера поступил заказ на икону святого Христофора. Пацанов лезть в церковь ломало, тогда Бес

из бахвальства заявил, что сегодня же обделаает все сам. Ночью он залез в храм. Только вырвал икону из иконостаса, как Фомка на колокольне ударил в набат. Вор – на улицу. Фомка слетел с колокольни стрелой, догнал, вырвал икону. Бес ударил его ножом в грудь. Набежали люди и грабителя скрутили. Подоспел и настоятель. Фомка, не сводя глаз с иконы, умер у него на руках. Тут только разглядел отец Артемон, что спаситель сокровища – шимпанзе.

Бес так надоел нашей милиции, что ему дали по максимуму: двенадцать лет строгого режима. Отец Артемон долго молился, а после отписал наверх про святого обезьяна. Вдогон полетел донос отца Павлина Придворова, где сообщалось, что шимпанзе стоял литургию, тогда как известно: в храм из зверей допускаются только кошки, ибо одни своего кала не поедают.

Как рассказал звонарь епископа, днем ранее верующие в старгородском соборе, которым не хватило места на чине елеосвящения, до крови покусали охрану владыки. Сочтя письмо о чудесах чуть ли не ересью и устав от народных волнений, епископ тихо отправил отца Артемона на пенсию, отца Павлина перевел в Мокрую Тундру, просвещать язычников. Весть о чуде облетела город, шептались, что Фомка перед смертью принял человеческий образ. В церкви прибавилось верующих. Обезьяну-героя схоронили за кладбищенской оградой, но паломники протоптали к могилке тропу. Доходную церковь отдали монахам Борисоглебского мона-

стыря. Их игумену старгородские бандиты подарили новый «Ягуар», чтоб за них молился. Народ немедленно перекрестил его в Ягуария. Многие принимают имя за чистую монету, а что – звучное имя, ему подходит.

Крылья

Роза Мусаевна Бахтиярова после сталинских лагерей не вернулась в столицу. Экс-балерина осела у дальней родственницы в татарской слободе и создала танцевальную школу при заводе «Подшипник». В 1995-м она тихо скончалась и была похоронена на Христофоровском кладбище. Трупна со смертью Розы Мусаевны захирела и развалилась – все там дышало ее гением. Старгород стал ее судьбой, школа – делом, как казалось поначалу, порушенной жизни. Следователь на допросе сломал у нее на глазах крылья для тренировки, переданные ей английским дипломатом от полусумасшедшего Нижинского. Она была строга, мечту пестуемых ею девочек о большой сцене пресекала жестко: «Здесь родились, здесь и пригодились».

Айгуль Сараева, наше национальное достояние, великая летающая балерина – ее воспитанница. Рифат Сараев хотел сделать из дочери златошвею, какой была его рано скончавшаяся жена. Танцовщица, говорил он, не профессия, а сплошное несчастье. Девочка отца боготворила, плакала, но отказаться от танцев не могла. Когда же в последнем классе школы она влюбилась в Васю Перышкина, отец, мечтавший о муже-татарине, и вовсе перестал с ней разговаривать. Васю забрали в армию. В первую чеченскую компанию он погиб в Грозном.

Стояла весна, птицы распевали брачные песни. Айгуль сбежала с поминок и случайно набрела на лавочку старого Камбиза, что с незапамятных времен торговал у проездной башни кремля всякой рухлядью. Перс и сам походил на башню: грузный и нечесаный, он восседал на массивном табурете: ноги – воротные столбы, бешено блестящие глаза – два фонаря над ними. Девушка зашла внутрь, Камбиз моргнув глазом, поприветствовал ее. Среди пионерских горнов и резных прялок Айгуль углядела маленькие крылышки в осьмушку на кожаных застежках. Стесняясь старого перса, она примерила их перед зеркалом. Крылья пришлось в самый раз: не стесняли движение и не терлись о лопатки.

– Не боишься? – спросил старьевщик.

– Чего уж теперь, – ответила Айгуль.

Владелец лавки принял ее мелкую купюру, провел банкнотой по полкам с товаром, как бы скрепляя договор с судьбой.

С крыльев в осьмушку, слепленных неизвестно кем и где, началась новая Айгуль Сараева. Она поставила балет «Эвридика». Обнаженная и дико сексуальная, гибкая, как плоть, она взрывала трагический воздух, пролетая над сценой – вся живое чувство, а приземлялась уже печальной, отрешенной тенью из царства мертвых. Айгуль подчеркнула гримом свои раскосые глаза, отчего в лице проявилось нечто томное и животное, как сделал великий Нижинский в «Послеполуденном отдыхе фавна». В «Старгородском глашатае» в статье

«Секс на сцене» один остолоп обругал ее новаторский танец. Тогда она удрала в Питер, потом в Париж, и скоро стала знаменита на весь мир.

«Ночной полет», принесший ей славу, мы смотрели вместе с Розой Мусаевной на ОРТ. Старая балерина болела, я зашел ее навестить. Айгуль летала над сценой в больших семижилых крыльях, исполненных на заказ, которые делает лишь один потомственный крылодел из Вероны.

– Улетела птичка. Не сгодились, – прокомментировала выступление старая учительница.

Через неделю Бахтиярова умерла. Через месяц скончался сапожник Рифат. Айгуль не приехала их хоронить. Этот факт долго мусолила желтая пресса. Айгуль не дает интервью, она вообще почти ни с кем не разговаривает и всегда выглядит так, будто живет на другой планете, поэтому ее часто упрекают в заносчивости и гордыне. Журналисты окрестили ее «печальной дивой» – Сараева всегда исполняет трагические партии.

Недавно я встретил на улице начальника управления культуры Волокитина, заговорил с ним о памятнике, что город обещал поставить на могиле Розы Мусаевны.

– Сейчас не время, приоритет – национальные проекты, все деньги отдаем учителям и врачам.

Мне стало не по себе, я зашел на кладбище. От ворот отъезжал большой «Роллс-ройс» с черными стеклами. В Старгороде такие не водятся. У могилы Бахтияровой смел про-

шлогодние листья и вдруг заметил на цементном памятнике сильно потасканные крылья в осьмушку на выдавшем вида ремешке. Пока я их разглядывал, из-за моей спины вынырнула девчонка лет пятнадцати – кажется, я видел ее крутящей брейк в парке около памятника Кирову, где тусуется молодежь.

– Можно?

Она выхватила у меня крылья и нацепила на спину. Крылья сидели на ней, как влитые.

От такой наглости я потерял дар речи. Девчонка мягко улыбнулась, подпрыгнула и взмыла в воздух. Хрупкая, почти невесомая, она пролетела над могильными камнями и скрылась в листве кладбищенских лип.

Кот и Котьяк

Любому, кто в 90-х, застраховав новую машину, менял по гарантии бракованную деталь, пришлось пережить минуты волнения: вдруг втихаря заменят на б/у? Пятнадцать лет становления страховой системы даром не прошли. У нас в Старгороде все знают историю Кота и Котьяка.

Василий Андреевич Спицын, заработав на фотографировании детских садов, приобрел свою первую «Волгу».

Он перекрасил ее в розовый цвет и снарядил машину двумя латунными кольцами на крыше. Открытое в 1991 году ИЧП «Спицын» стало первым из подобных в нашем городе: он работал шофером, а заодно еще и фотографировал свадьбы, что увеличивало доход. Во Дворце бракосочетания и в загсах его знали. За заказы, поступающие от секретарш, прижимистый Спицын рассчитывался шампанским и конфетами, которые оставляли ему новобрачные. Простоев не было. Бандиты, например, полюбили ночами ездить с подругами на единственной в городе розовой машине к памятнику Свободы. Это называлось у них «поджениться». Большой перевернутый колокол на выезде из города, напоминающий рюмку, в народе зовется «выпей с нами». В 1014 году новгородцы после битвы при Мокрой Тундре изъяли наши колокола, а когда те сами зазвонили, поспешили вернуть с извинениями, причем везли их вверх юбкой, ибо от их неугомонного пе-

ния все оглохли. Как только реликвии передали старгородскому епископу, новгородцы вновь обрели слух и тут же на радостях перепились с нашими в дым. Так что наказывать и прощать врага мои земляки умели издавна.

Вскоре у розовой «Волги» полетела коробка передач. Спицын отправился в мастерскую «Под мостом», обязанную по контракту чинить его бесплатно. Мастеру Николаю Перхавко чинить машину задарма не хотелось. Новоявленному капиталисту было популярно объяснено, что коробку заменить, но сперва следует свезти ее в Горький на экспертизу, что займет месяц-другой. Спицын сказал только три слова: «Иду в суд». Это был нокдаун. «Лады, починим, заходи завтра», – вроде пошел на мировую мастер. Но только клиент завернул за угол, разъяренный Коля загнал машину на подъемник. Коробку заменили, но в новое масло Перхавко самолично добавил кошачьих экскрементов, по-простому «котьяка». Коробка переключалась плавно, клиент уехал, как победитель. Через неделю Спицын вернулся в сервис.

– Когда на холодную все хорошо, но стоит поехать с чашек, такая вонь в салоне. Что вы подложили? Сдаюсь. Меняйте на новую, плачу наличными.

В знак примирения он выставил на капот бутылку коньяка. Хозяин – барин, коробку поменяли на бэушную, она хрустела, но везла. С тех пор никто в городе Спицына за глаза иначе как «Котьяк» не называл.

По закону жанра требовалось мстить. Узнав, что Перхавко

приглашен на свадьбу в качестве друга жениха, Спицын послал ему ящик с подарком, якобы от друга невесты, и приложил письмо с просьбой не открывать его до торжества. Ящик доставили к обеду, когда Николай уже изрядно откушал водки и приготовился отдохнуть в подсобке. Заинтригованный, он развязал цветную тесемку, открыл крышку. Оттуда с во-ем вылетела опоенная валерианой кошка и немедленно вцепилась мастеру в лицо. Следы остались на всю жизнь, герой, понятно, получил кличку «Кот драный», вторая часть которой в последствии потерялась.

Спицын много работал. По случаю он прикупил еще две машины, потом еще. Теперь продает иномарки. Машины Спицын страхует и чинит в своем же фирменном сервисе.

В перерыве заседания «Общества любителей Старгорода» я подслушал, как Степа, директор леспромхоза-2, жаловался Василию Андреевичу, что заплатил в его сервисе за ТО нового джипа (смена масла, фильтры) четыреста пятьдесят долларов.

– Зато спишь спокойно, – ответил Спицын, – Все по закону, по страховке, а то езжай в мастерскую «Под мостом», если машины не жалко.

– Так Кот, говорят, теперь в твоём сервисе трудится, – подколот Степа.

– Кот, как стал зарабатывать, про стакан забыл. Перековали гаврика и других переделаем.

Возразить Степе было нечего. Зазвенел звонок, мы пошли

в зал. Спицын обрушился на наших бизнесменов, что они жмут деньги на благоустройство главной площади и ремонт памятника архитектору Барсову. И ведь устыдил, дожал, выколотил искомые три миллиона, правда, только после того, как сам положил в кассу миллион.

В городе Спицына давно не зовут «Котяком», над его любовью к чистоте посмеиваются, некоторые даже называют ее блажью, но уважают.

После заседания мы вышли со Спицыным на лестницу. Он вдруг взял меня за лацкан пиджака и прошептал: «Пойдем нажремся, так все надоело, если честно».

Отказать Василию Андреевичу я не мог, да и не хотел. Если честно.

Как солдат от армии спасся

Недавно на ТВ обсуждался вопрос: надо ли идти в армию людям творческих профессий? Думские воевали с интеллигенцией. Разошлись не на шутку, чуть не подрались, но в результате остыли и вынесли вердикт: армия должна стать контрактной, а пока этого не случилось, надо терпеть. Причем один политик прилюдно пообещал видному балетмейстеру отсрочку для ребят из его труппы, то есть, по привычке, купил оппонента. Свезло парням, как в сказке. Впрочем, и у нас в Старгороде свои сказки случаются.

Задумал один солдат домой убежать. До армии он учился в художественном вузе, но повздорил с преподавателем: не хотел рисовать натюрморты, а желал писать пейзажи. Мама у него зарабатывала мало, маленький брат болел астмой и нуждался в дорогих лекарствах. Папа сторожил автомобильную стоянку и читал божественные книги про реинкарнацию. Маме он деньгами не помогал, потому как обиделся, что она с ним развелась. Жили они все в двухкомнатной квартирке, в доме барачного типа. Вот наш герой бросил вуз и решил послужить Родине. Явился на призывной пункт, попросился в десант. Забрили ему лоб и отправили в химические войска, где научили ловко бегать с противогоазом. Так бы служба и прошла, оставалось ему полгода, но начались в армии новые веяния. В часть нагнали контрактников: у каж-

дого за спиной срок и жить они привыкли не по уставу, а «по понятиям». Контрактники принялись ломать остальных, чтобы и те записались в кабалу, тогда часть получила бы тонну повидла от Генштаба. Некоторые сломались, наш солдат держался до последнего. Когда же изверги пообещали его после вечерней поверки опустить, он не выдержал и исполнил задуманное: нырнул в дырку в заборе, но свернул не в поселок, а в степь.

Шел солдат вдоль железной дороги, хотел положить ногу на рельсы, но как состав накатил, испугался. Шел, думал и набрел на дворец, где жил генерал со своею дочкой. Дочка сидела в башне, смотрела по тарелке канал «Animal planet» и горевала: отец обещал отдать ее замуж за сына прокурора, а у того изо рта дурно пахло. Генерал и сам прокурора недолюбливал, но понимал – породниться надо из политкорректности.

Генерал заметил солдата у ворот, решил, что прислали денщика, он как раз такого заказал. Повелел парню к 16–00 истопить печь по первому разряду. Запалил солдат дрова, замочил в холодной воде веники, чтоб ожили. Тут пришла генеральская дочка, принесла новому денщику хлеб-сало. Поел он аккуратно, погрыз после с дочкой семечки, и очень они друг другу понравились. Девушка вернулась в дом ногти красить, солдат сел на пороге бани и закурил.

А генерал держал заморских курей чернобровых. Вот самая настырная к солдату подошла, косит глазом, но солдат

сдержался, не запустил в нее сапогом, дал ей крошек хлебных. Курица в благодарность одарила солдата волшебным зернышком.

В 16–00 приехали гости в баньку: прокурор с сыном. Стали они париться с генералом. Солдат веником охаживает – прокурор покрякивает, нравится ему. Стал упрашивать генерала, чтоб продал ему банщика. Тот ни в какую – самому еще не надоел. Попарились, сели водку выпивать. Выпили килограмм, перешли на второй. Прокурор начал сыном похвалиться: он-де силач, всем руки ломает. Генерал и спросил солдата:

– Сможешь прокуренка на руках осилить?

– Так точно, смогу.

Положил на зуб курицыно зернышко, стал как тигр и разделал силача под орех. Прокурор оскорбился:

– Смухлевали вы, волки позорные!

Генерал, не думая, раз ему в нос кулаком, а на словах добавил:

– Сам ты волк, а у сына твоего изо рта разит. Прокурор за порог и шипит:

– Еще пожалеешь, что обидел.

– Как бы не так, наши ваших всегда били, – захохотал генерал и показал прокурору вдогонку кукиш.

Очень он развеселился, усадил солдата с собой выпивать. Выпили килограмм. Перешли к следующему. Солдат удар держит. Генералу это понравилось, крикнул дочь. Та разом

нарисовалась – из-за угла подглядывала.

– От прокуренка тебя простой солдат уберег, – объяснил ей генерал. – Пойдешь за него замуж?

Девка поскорее дала согласие, пока не передумал, измучилась во дворце скучать. Сыграли свадебку, солдата генерал комиссовал. Поехали молодые в Старгород. Выделили им угол за занавеской. Прожила там генеральская дочь с неделю и сбежала в Москву, устроилась в модельное агентство. Рекламирует теперь пельмени «Благолепные» и крем «Подноготный». Солдат недолго горевал, главное от армии отбоярился. Пошел иконостасы резать, зарабатывает хорошо, про прошлое не вспоминает. Рассказал как-то в бригаде свою сказку, все ну хохотать – в сказки молодые сейчас не верят. А вы верите?

Сапоги и балетки

Сапог не зря красуется на нашем гербе. Когда москвичи, ведомые Василием III, подошли к стенам Старгорода, на вал высыпало ополчение в кожаных сапогах. Руководил воинами князь Владимир.

– Э-э, – сказали обутые в лапти москвичи – у них чернь в коже ходит, не быть добру.

Забили в барабаны и убралась восвояси. Полководец вскоре умер, но в городе родилась традиция: каждый вечер на его могилу возлагали пару сапог. В них князь, незримый людям, обходил ночью город, охраняя его от напастей. В 1917-м власти пожадничали и снесли князю пару стоптаных прохарей. Что последовало за этим, знает каждый.

Жан Борисович Протеже прибыл в Старгород в перестройку. Он поселился в скромной коммунальной квартире, где подружился с соседом, потомственным сапожником Никифором. До того Протеже держал в Тбилиси цех по пошиву перчаток. В результате бесед на кухне в 87-м году родился кооператив «Стелька» – там тачали сапоги, сапожки и полу-сапожки для обоего пола. Протеже был неутомим: в эпоху бартера он выстраивал сложные цепочки, добиваясь почти бесплатных поставок на предприятие кожсырья, квасцов и зарубежных красителей. Никифор был его ОТК. Он не нажимал пальцем на носок, проверяя, как морщится кожа, не ка-

пал водой, ожидая, останется ли пятно, не тянул мех, глядя, отделится ли тот от мездры, он косил на материал выпученный глаз и безошибочно отметал брак. К вечеру, он, правда, всегда напивался в стельку, похваляясь, что так оправдывает название кооператива.

Никифор рассказал Жану историю с князем Владимиром, – Протеже любил все мистическое. Специальной девушке-технологу Свете было приказано каждый вечер относить на могилу святого пару новеньких сапог. Та, мечтая о кадровом росте, приказ исправно выполняла. Сапоги на утро пропадали, видимо, князю они нравились. Дешевая продукция «Стельки» шла нарасхват. Жан Борисович начал экспериментировать с цветом и фасонами. Новые модели стала даже закупать Москва.

Протеже сгубила страсть. Технолог Света усиленно строила ему глазки и, в конце концов, женила стареющего бизнесмена на себе. В целях повышения профессиональной квалификации молодая супруга потребовала свозить ее по обувным столицам мира. Протеже повез ее в Европу. Относить сапоги к могиле покровителя в их отсутствие стало некому. Дефолт 98-го почти разорил «Стельку». Жан Борисович разом как-то постарел и в одночасье скончался.

Приняв бразды правления, Светка первым делом выгнала на пенсию Никифора. Затем отстроила мужу памятник на Христофоровском кладбище рядом с усыпальницей князя. Там, сидя на лавочке, она задумалась, сопоставила факты,

учла невысокую покупательную способность горожан, и решилась на риск. Фабрика перешла на дешевые ботинки из кожзама, балетки невинно-розового цвета, яркие, подчеркнуто сексуальные туфли на стриптизерском каблуке и мокасины из прозрачной клеенки. Вертикальная перепонка и ремешки с блестками вокруг щиколоток на ядовито-зеленых сандалиях «под аллигатора», перемежающиеся полосы черной, голубой и сиреневой кожи в стиле «ретро» на сабо из местной сосны, красный лак «мюль» и серебристый бисер – все подсмотренное в загранпоездках было пущено в ход. Продукция «Стельки» переливалась на прилавке, как стеклышки калейдоскопа. При этом девушке-технологу приказали ежедневно относить князю на могилу пару сапог, что еще тачали в старом цехе. Бизнес ожил и стал приносить Светке доход, которым она не пожелала делиться с мэрией, вверив судьбу более высокому покровителю.

Никифор создал движение «ОТК». Они пропагандируют исконные традиции, клеймят Запад, обвиняют «Стельку» в использовании некачественных материалов и нарушении технологий. Последнее, увы, чистая правда. Светка на критику долго не реагировала, но однажды в офис явился Никифор и гневно бросил на стол легкомысленные голубые балетки.

– Вот – на могиле князя найдено!

Вызвали девицу. Та вошла, мягко ступая в кроссовках «Найк», и призналась, что носила лучшее.

– Ваши сапоги – отстой! – выдала она, глотая слезу.

На другой день нагрянула высокая комиссия из мэрии, выявившая, что в «Стельке» клеят на товар лейблы известных фирм. Откупиться Светке не дали. Фабрика разорилась.

Князь-покровитель обиделся, исходя из норм своей средневековой морали, а жаль. То, что продают теперь на рынке, шибко смахивает на изделия Жана Борисовича, только подошвы выдерживают не более месяца. Молодежь сегодня копит деньги и, по возможности, поддерживает иностранного производителя. Девушка права – сапоги Протеже были, конечно, отстоем.

Веянье времени

Имение «Райские сады», памятник архитектуры федерального значения, находится в пятнадцати километрах от Старгорода. Наш земляк, знаменитый архитектор Барсов построил его в конце XVIII века для павловского генерала Аблеухова. Главное здание, охотничьи флигели и роскошный парк долгое время ветшали и стояли под замком. За последние годы десять инвесторов покушались на лакомый кусок, начинали работы, но отступались – реставрация дело дорогое и требует постоянных консультаций с учеными, которые вечно суют инвестору палки в колеса и дрожат над каждым старинным камнем. Тем не менее, в яркий весенний день мая «Райские сады» были проданы с аукциона в одиннадцатый раз со сроком аренды на шестьдесят девять лет.

Наш новый губернатор нашел серьезных владельцев-инвесторов. Проект губернатора «Старая усадьба» от предыдущих, по сути, ничем не отличался, но пресса громко назвала его «веяньем времени». Главных претендентов на усадьбу было двое: нефтяной магнат Василий Труба и человек, которого в высших эшелонах власти было принято называть просто Генерал. Но мало кто понимал, в каком щекотливом положении оказался губернатор: дружба с Трубой была предпочтительнее из-за намечавшихся выгодных проектов, обидеть Генерала означало порушить и без того сложные отно-

шения с администрацией президента. Решено было пожертвовать пешкой, ею стал начальник управления культуры Ким Волокитин, чиновник еще старой советской выучки. Роль он освоил и текст заучил.

Когда гостей водили по парку, Ким подошел к Генералу и между делом заметил, что однажды президент, заехав по пути в «Райские сады», долго рассматривал печальных купидонов на фризе, а после элегически вздохнул: «Здесь бы на пенсии пожить, красота!» Этой информацией Генерал не обладал, а потому наживку заглотил. Отношения Кремля и Василия Трубы были в этот момент очень нервными. Уступив имение сопернику, Генерал тут же придумал, как подаст наверху покупку и очернит магната. Тендер выиграла нефтяная компания, о чем тут же рассказали в новостях. Генерал отправился пировать в гостевой домик губернатора, где и заночевал.

Утром у его комнаты раздались странные вопли. Генерал выглянул в коридор. По ворсистому ковру, направляясь к нему, полз на коленях обнаженный по пояс Ким Волокитин и, нещадно лущуя себя плеткой по спине, монотонно повторял: «Помилуйте, не доглядел, крысы проводку сожрали!»

Последовал жесткий приказ объясниться. Протягивая высокому гостю плетку, начальник старгородской культуры поведал о беде – в гараже, где ночевал генеральский «мерседес», крысы, разнюхали под капотом проводку из натурального каучука и изгрызли ее. Машина не заводится, за что он

и просит выдрать его – недоглядевшего идиота.

– Прощу, если скажешь, кто подучил меня обмануть, – генерал поглядел трясущемуся чиновнику в глаза, что не многие выдерживали. Он уже успел навести справки.

– Господин Генерал, сам, дурак, удумал – ведь десять инвесторов на «Садах» разорились, там же фундамент на плывуне стоит.

– Ну молодец! – рывкнул Генерал и пошел одеваться.

История, как известно, повторяется. Екатерина II, останавливалась в 1767 году в Старгороде в путевом дворце по дороге в Первопрестольную. Местные мужики, что-то не поделив с кучерами царицы, набили им рожи. Государыне мгновенно донесли. Последовал высочайший указ: выпороть в городе каждого десятого. Тогда городской глава с чиновниками коленопреклоненно молили матушку императрицу простить дураков-горожан и вымолили у наидобрейшей прощение. С той поры в городской думе на праздник Казанской иконы, когда и случился конфуз, ежегодно служили благодарственный молебен. Отменила его только советская власть. Старгородцев это не спасло, в соседних городах они получили кличку «поротые», что, впрочем, не хуже исторических прозвищ тверичей – «козлы», или жителей Торжка – «новоторы-воры», или кашинцев – «водохлабы».

Вряд ли Ким Волокитин знал историю своего города. Генерал предъявил претензию губернатору, за что тот, в рамках проекта «Старая усадьба», уступил ему упомянутый вы-

ше путевой дворец. Из него теперь делают «бутик-отель» со всеми аксессуарами райской жизни. Для города это даже хорошо, школу для дурачков, что была во дворце, переселили из центра города на окраину, а вот как договорятся инвестор и реставраторы — покажет время. Ким Волокитин недолго проходил в начальниках управления культуры, Генерал оценил его актерские способности и забрал в Москву. Говорят, там он управляет сверхсекретным гаражом, получил долгожданные погоны полковника и очень доволен жизнью.

Заклятое место

Первое, с чем сталкивается в Старгороде турист – наш мост. Место это заклятое не только для автомобилистов, но и для градоначальников, все это знают. Летописец сообщает, что в 1011 году боярин Кукша – основатель Старгорода – утопил на переправе жреца-комси, а тот перед смертью проклял боярина и всю последующую власть.

В 1696 году государь Петр I, спеша в Воронеж на строительство кораблей, прибыл на высокий берег нашей реки и, нервно крутя ус, стал дожидаться парома. Рядом стояли две старушки – торговки зеленью.

– Почем товар? – поинтересовался царь.

– Отдаем по полушке, а перевоз – денежка.

Две медные полушки в те времена составляли денежку. Царь тут же вызвал городского главу и велел закладывать мост. Через полгода на обратном пути из Воронежа царь заметил: мост строить и не начинали. Царь приказал привести городского главу.

– Что ж тебе денег не дадено?

– Никак нет, деньги пришли, ума нет, Ваше Величество.

– А вот те ум! – вскричал Петр и ударил главу по лысине кулаком так, что тот чудом не помер. Зато после спешно отстроил мост.

В Великую Отечественную фашисты мост разбомбили.

По приказу Жукова красноармейцы наводили переправу под шквальным огнем врага. В самый разгар обстрела подлетает к понтонам «Виллис», а наши, кто еще живой, разбежались по окопам, прячутся от обстрела. А Жуков был с тросточкой. Кругом пули свистят. Жуков на них ноль внимания, – заговоренный был. Вызвал полковника:

– Мать-перемать, сколько времени тебе было отпущено? – и той тросточкой по лицу, только зубы полетели!

– Ты, – кричит Жуков попавшемуся на глаза капитану, – переправу наведешь до вечера, иначе – закопаю!

К вечеру танки прошли по понтону, враг бежал, полковника отправили в Воркуту, а капитан получил орден.

После войны восстановлением моста руководил орденоносный инженер-полковник Шелест. Строитель был от Бога, ремонтировал руины теми солдатами, что с войны задержались да пленными немцами. Пришла пора отправлять солдат домой. Новый призыв его офицеры набрали где-то по глухотам. Мост отстроили, но у призывников кончился срок. Шелест написал наудачу куда следует, прося новых солдат, взамен примчались чекисты с пулеметами, но орденосец исчез. Так его и не нашли. Часть, оказывается, сразу после войны расформировали. Как он умудрился ее сохранить? Ведь солдаты и офицеры в ней проходили службу официально. Про него потом много баек рассказывали, но что правда, то правда: сталинский режим обманул, а мост отстроил.

С тех пор мост обветшал. Каждый новый градоправитель не жалел на него асфальта, но почему-то выбоины и дыры в покрытии становились только больше и глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.